

Андрей Драгунов

**ЕСТЕСТВЕННОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
ВЕЩЕЙ**

стихотворения

Андрей Драгунов
Естественное положение
вещей. стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21548128
ISBN 9785448326950

Аннотация

Автор благодарен Русской Гуманитарной Миссии и её генеральному директору Евгению Александровичу ПРИМАКОВУ за помощь, оказанную при создании этой книги.

Содержание

«Я, наверно, согласен, что я не умру без тебя...»	7
«От расправленных крыльев над городом в дни перелёта...»	9
«Я вдруг услышал пение синички...»	11
«Я уже позабыл, как ты выглядишь – видимо, срок...»	12
«Когда опять уходит понедельник...»	14
«Мы повстречались там, где сон и явь...»	15
«Ты снова слышишь чьи-то голоса...»	18
«Я узнаю о времени в пути...»	20
«Я помню в окнах хитрые глаза...»	21
«Мне нечего теперь уже терять —...»	26
«Пускай не будет времени совсем...»	27
«Неистово ты говорила – сука...»	28
«Старость зажмурилась, глядя в моё лицо —...»	29
«Когда остаётся лишь дерево в старом окне...»	30
«Со второго на третье августа...»	31
«Переехавши свет, уже не спешишь обратно...»	32
Ночь	33
«В городе, где различаешь кирпич облезлый...»	34
«Всё, что досталось в наследство мне – фото на память —...»	35
«Все насекомые уже ушли из дома —...»	36

«Мне не было обещано дожить...»	37
«Когда уже не видишь впереди...»	43
«Состарившись, не видишь без очков —...»	44
«Доживать остаёшься там, где вода об камень...»	46
«Нет ничего, что можно передать...»	48
«Ниоткуда никто, никуда – чтобы просто забыть...»	49
«И даже запись в книге мертвецов...»	50
«Вот снова время новых мудрецов —...»	51
«Спустя больше года, любимая, слышу твой голос...»	52
«Переехать, что ли, в деревню – растить картошку?»	53
«Прислушиваюсь к тиканью часов...»	54
«Я позабыл названия всех станций...»	55
«Я держал на длинном поводке...»	56
«По долгам расплатиться не хватит ни лет и ни сил —...»	57
«Обитая в местности, где дождь, как медаль к юбилею...»	58
«Где кончаются руки, и начинается тень?»	60
«Помнишь ли? Вспомнишь ли? – голос и руки...»	61
«Что остаётся, когда закрывается дверь...»	62
«В больничном коридоре никого —...»	63
«Детский плач по утрам – продолжение жизни	65

чужой —...»	
«В чужой стране ненужным поселенцем...»	66
«В августе осень себе застолбила место...»	67
«Мне музыку навеял чей-то смех...»	68
«Господь тебя – мне – как передарил...»	69
«Здесь, где количество дорог...»	70
«Птица склоняет голову – будто спит...»	71
«Голубь, искупавшийся в пыли...»	72
«Вот облака, как на ладони...»	73
«Тебе, покинувшему свет...»	74
«На берегу реки, в преддверьи снега...»	75
«Ты будешь смеяться, но даже	76
в коротеньком сне...»	
«Когда из того, что осталось – лишь камни	77
и смерть...»	
«...и терновый венец сняв с уставшей Его	78
головы...»	
Конец ознакомительного фрагмента.	79

**Естественное
положение вещей
стихотворения
Андрей Вячеславович
Драгунов**

© Андрей Вячеславович Драгунов, 2016

ISBN 978-5-4483-2695-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я, наверно, согласен, что я не умру без тебя...»

Я, наверно, согласен, что я не умру без тебя,
т. е. рядом с тобой и, наверное, в этом вся правда
нерастраченной жизни. Уже никого не любя,
я пишу тебе снова, хотя ты, как водится, рядом.
Т. е. в этих страницах, я вновь обращаясь к тебе,
чтобы что-то сказать, что ещё недосказано было
за прожитое время, как свет в запотевшем окне —
пробивается, вроде, но как-то всё мимо и мимо.
Как-то так получилось, что мы не успели сказать,
рассказать о случившемся после последней разлуки —
ты спешила на службу, я, видимо, тоже, опять
согревая в карманах пустых посиневшие руки,
чтобы как-то дожить до тепла и до лучших времён,
что, возможно, уже не случатся, но хочется верить
в этот вымысел, что сам собой замещает закон
окончания жизни, в который не то что не верю —
просто не понимаю... А помнишь, как в старом кафе
мы с тобой засиделись, вплетаясь в рисунок на стенах,
в виноградные кисти, в пейзаж в запотевшем окне
и в пустой разговор об интригах и даже изменах,
что как будто случилось уже или могут ещё
с нами точно случиться... Спасали лишь кофе и граппа
в запотевших, опять же, стаканах. Мужчина в плаще

как-то странно смотрел на тебя, на меня, на сатрапа,
что стоял за окном, подпирая собою кусты
белоснежной сирени – но, видимо, власть многолика.
И мужчина в плаще, оставляя стаканы пусты,
уходил восвояси – без шума и даже без крика
о несчастной любви, завершая бессмысленный спор,
как ненужную фразу уже, но в конце предложенья.
Виноград высыхает на стенах, как будто в укор.
И сатрап за стеклом утопает в кустах от волненья.
Я пишу это, чтобы меж нами не стёрлись следы,
как какая-то буква ненужная в самом начале —
чтобы слёз доставало и даже какой-то печали —
нерастраченной после, когда в продолжении лет
мы с тобой расставались надолго – почти что на вечность,
ожидая не чуда уже, а банальный «привет».
Чтобы смерить пространство линейкою,
не бесконечность.
И теперь, когда жизнь округлила следы и черты
до семейного снимка в стекле, запотевшем от срока —
я пишу тебе письма, чтоб знать, что уверена ты
в неслучайности встреч... хоть порою судьба и жестока.

апрель 6. 2013 год

«От расправленных крыльев над городом в дни перелёта...»

От расправленных крыльев над городом в дни перелёта поднимается пыль из оттаявших листьев и пыли от помятой бумаги, из книг, уже без переплёта, и которые вывезти после уборки забыли.

Из каких-то вещей й, что по осени были изжиты из обыденной жизни, из той, что хранится годами, как какая-то важность. Иль попросту были забыты среди прочего хлама под пылью, с другими вещами, что ещё недожили свой век и пока — не на свалку, где пластинки из прошлого слушают на радиоле под неровные вздохи любителей, что с полустанка пробираются к даче, к запасам в холодном подполье. И картошка под музыку жарится с мясом на сале, как последняя радость, дожившая до потепленья, до вернувшихся птиц, что кружат, как в последнем угаре, под восторженный крик поднимаясь всё выше — в волнении.

Ветер гонит листву вслед с дороги растрёпанным крыльям

и крошечную пыль посылает им тоже вдогонку.

Молодой, долетевший птенец, расквитавшийся с пылью, пробивается дальше сквозь облако, как сквозь заслонку.

апрель 6. 2013 год

«Я вдруг услышал пение синички...»

Я вдруг услышал пение синички
на ветке, за окном – так верещала,
что до подушек выгорела спичка,
когда прикуривал... Ничто не предвещало
такой финал. Синичка улетела
и тоже ничего не обещала.
Мне повезло, наверное – мне спела...
и с кем-то будет начинать сначала.

апрель 8. 2013 год

«Я уже позабыл, как ты выглядишь – видимо, срок...»

Я уже позабыл, как ты выглядишь – видимо, срок.
Да и время пришло забывать и искать по карманам
то очки, то билет, то какую-то мелочь на сок,
чтобы выпить таблетки от боли, как это ни странно —
продолжает болеть и сжимает, как будто в тиски,
с перерывами сердце – врачи говорят на погоду —
я же думаю – это от той неизбывной тоски,
что виднее, когда погружаешься вечером в воду,
чтобы плыть – в никуда, мёртвым камнем спускаясь
на дно,
на берегу оставляя ботинки и брюки,
как какую-то малость, с которой теперь всё равно
ничего не случится – найдутся хозяин и руки,
чтоб подклеить подошву и пятна с кармана свести —
от вина или кофе – не помню, да это неважно.
Слишком много хозяин предметов пытался спасти
и суму и судьбу, защищаясь от жизни отважно.
Я тебя не узнаю, когда вдруг в назначенный срок,
мы увидимся снова – со зрением, видимо, что-то.
Вариант неудачный, быть может, но и не жесток —
какая с меня теперь вежливость – просто работа
за пустяшную мелочь и кружку холодной воды
всё для тех же таблеток – мне, видимо, так и придётся

воевать со здоровьем, пока не растают следы
у какой-нибудь речки, иль способ получше найдётся.
Я, конечно, не помню уже, сколько лет или дней,
мы с тобой пережили, но, кажется мне, что недолго
это всё продолжалось – от этого, может, больней
написание писем – из чувства, естественно, долга
и какой-то там памяти, если ещё повезёт,
и припомнятся мелочи, те, что в зашитом кармане
затерялись когда-то, и кто-нибудь точно найдёт,
как соринку, на дне, утонувшую в мутном стакане
среди слёз и любви. Нескончаемо тянется день,
просто вторник, девятое, но не могу оторваться
от тоскливого вида в окне, где от тополя пень,
как соринка в глазу, но никак не могу с ним расстаться.

апрель 9. 2013 год

«Когда опять уходит понедельник...»

Когда опять уходит понедельник
ко вторнику проситься на постой —
я вспоминаю дни, что пролетели
вдали от дома, в комнате пустой,
где кроме книг и старческой кровати,
что выбилась из сил уже давно,
нет ничего, и ждёшь её объятий,
как приговора на ночь — всё равно,
каким он будет — не сойти с ума —
уже удача в запертой квартире,
когда от понедельника сама
ко вторнику уходит ночь, а в мире
творится чёрте что. Таков удел —
смотреть в окно и видеть, как разрушен
строителями двор, где ты вырослел.
Где экскаватором выкапывают душу...
Теперь гараж, а около него
какой-то магазин отныне будет —
и не волнует больше никого,
что здесь когда-то тоже жили люди.

апрель 10. 2013 год

«Мы повстречались там, где сон и явь...»

Мы повстречались там, где сон и явь
пересеклись, не комкая друг друга,
установив тем самым с жизнью связь,
переместив расположение круга
из центра комнаты на кухню, до плиты,
чтобы теплей и как-то продуктивней,
отмерив каждому количество еды,
налив по рюмкам, чтобы непротивной
казалась жизнь в перечисленьи лет,
здесь, где тепло, светло и беззаботно,
где на стене писателя портрет
глядит с ухмылкой, как бы неохотно —
на данный мир. Вода течёт за край
железной раковины, звуком разрушая
молчание, которое печаль
несёт с собой, само того не зная
и даже не пытаясь угадать —
кто в комнате молчит – на всякий случай...
С утра ещё не убрана кровать,
и мотыльки над лампочкой беззвучно
совсем кружат. О, милый, милый дом —
мне без тебя не выжить, не согреться,
ни чайник вскипятить, при всём при том.

Не отдохнуть, как говорится, сердцем.
Я, может быть, не лучший из гостей —
к твоим ногам я положил полжизни —
всего лишь. И из этих новостей
не слепишь правды. Из полёта мысли
от мотыльков — не выкроишь пальто
демисезонное, когда мороз по коже,
состарившись и перейдя в ничто
в ряду с другими, разве что — моложе
немногих тех, кто написал портрет
на кухне, над плитой, где варят кофе
проснувшимся, но это не секрет —
вода вскипает раньше, если просят,
и так дымится. Чтобы не просить
кого-нибудь — дым медленно сползает
за край стола — сам — тоненькая нить
течёт по доскам, и никто не знает —
насколько далеко. Где тот предел?
День обещает, что случится что-то,
о чём и думать позабыл и не хотел
в своих мечтаниях. Какая-то забота
опять ведёт неведомо куда —
немного дальше, чем предполагаешь,
чем эта, сказанная утром, ерунда
о нелюбви — и ты об этом знаешь,
и, как-то нехотя, вползаешь в антураж
означенной квартиры. Тянешь время,
чтоб завершить намеченный пейзаж —
с кроватью, лампочкой, что вовремя согреет —

и мотылька и всех других гостей.
Жизнь кажется не лучше, но короче
в таком пространстве... «Милая, согрей
ещё мне чашку кофе между прочим...» —
чтоб завершить дела минувших дней,
где всё длинней, как клетки между строчек.
И жизнь спешит куда-то всё быстрее,
не выдавая видимых отсрочек
на день грядущий. И не угадать —
какая боль, назначенная раньше,
тебя уложить в тёплую кровать
и не расскажет, что там будет дальше —
на кухне за плитой, где каждый вздох
кофейника, хозяйки обеспечен
сомнением. Художник был готов
запечатлеть всё это, но беспечен
был в тот момент... и лампочки накал
не выдавал достойную картинку...
И, выпив кофе, всадник ускакал,
оставив след на старых фотоснимках.

апрель 13. 2013 год

«Ты снова слышишь чьи-то голоса...»

Ты снова слышишь чьи-то голоса,
когда все спят, и даже кот в подвале
не ловит мышь. И в эти полчаса
перед рассветом – точно на причале
перед отправкой – ты всегда один,
как не сказать, – единственный на свете,
но нет, мелькают тени меж руин,
боясь тебя или другого встретить,
не обозначившись, т. е. не узнав
тебя среди живых, но в их пространстве —
какая-то нелепая игра,
как кошки-мышки в тридевятом царстве
иль где-нибудь ещё, где облака,
как продолжение истории и жизни,
что не закончилась, но, видимо, пока —
из чувства долга и любви к Отчизне —
и место есть ещё – земля кругла,
где так же проплывают облака
над головой, и даже кто-то снится,
из выбывших уже, и чья-то тень
вот так же меж руин тебя находит,
слоняясь в ожидании весь день,
стараясь высмотреть того, кто не приходит,

но где-то рядом... И его шаги
уже слышны – и даже вдох и выдох —
вполне реальны, но не коротки —
хозяин не спешит ещё на выход.

июль 7. 2013 год

«Я узнаю о времени в пути...»

Я узнаю о времени в пути
по смене суток – не по очертаньям,
мелькающим в окне, как ни крути —
они всё меньше добавляют знание —
лишь трение в глазу от цвета стен,
что чаще – выше и однообразней,
лишившись в жизни важных перемен —
того, что в детстве называли праздник
или другим, похожим словом, но
других не подбирается – по ходу,
по линии движения... В окно
влетает только лишь прогноз погоды
в виде дождя – единственный живой
в происходящем. И не ошибиться,
сместив пейзаж уверенной рукой
в другое время, чтобы раствориться.

июль 7. 2013 год

«Я помню в окнах хитрые глаза...»

Я помню в окнах хитрые глаза,
когда мы выезжали из квартиры.
И кто-то из соседей мне сказал,
что жизнь теперь покажется сортиром,
т. е. не тем, чего я ожидал,

но я, как будто бы не слышал те слова,
и переезд казался мне началом
чего-то нового — я ехал на вокзал,
откуда музыка весёлая звучала,
и я вагоны длинные считал —

всего двенадцать, но какой простор
для вымысла, тем более — для бега
в другой конец вагона. До сих пор
я вспоминаю это время. Снегом
была покрыта площадь и забор,

из-за которого глядел чужой пейзаж,
доставшийся как будто бы в насмешку
за прошлое. Теперь пустынный пляж
глядел в окно, не замечая слежку
за ним самим, скрывая антураж,

как на «атасе», ночью за углом
при выносе вещей, как при побеге
из отдалённых мест. При всём при том,
пляж выглядел, как облако на небе —
вполне реально — только под замком.

Я выходил гулять на кромку льда —
был в двух шагах от смерти под водою,
но, видимо, ещё сама вода
не думала расправиться со мною, —
и я гулял неведомо куда.

Мне, видимо, не слишком повезло
жить в этом месте, но вот так случилось —
остаться навсегда здесь, всем назло,
чего бы там потом ни получилось
с переселением... как бы повезло,

или на память, как бы... Лёд торчит
из всех проплешин, тень не замечая —
с той стороны со мною говорит
о чём-то личном, но о чём — не знаю —
от этого душа моя болит...

и стонет тихо, говоря мне «уходи,
ты здесь чужой, по крайней мере — лишний —
не до тебя сейчас, а впереди
увидимся ещё, и будет слышно,
как мы заплачем друг у друга на груди».

И между этих милых пересказ
я проживал своё болезненное детство,
блуждая между льдин. Холодный пляж
уже не так пугал своим соседством
и тем, что он – всего лишь антураж

для продолжения... Мать кличет на пирог,
я к ней, естественно, несусь, насколько можно,
но лишь ступив на собственный порог —
я понимаю, что не всё возможно
тому, кто здесь свой коротает срок, —

я оказался выпертым за дверь —
там новые носки на новоселье —
на два чача не ждут меня теперь.
А дальше только горькое похмелье
и бывший сын, отправленный за дверь.

Я так и жил – меж пляжем и тюрьмой.
Мать говорила, что кому-то нужно
чего-то там давать – а я с сумой
ходил под окнами. И в окна очень дружно
кричали мне: «Сынок, иди домой».

Но я ходил, поскольку от отца —
ни письма, ни весточки, ни слуха.
Я пропадал всё чаще у крыльца
начальника тюрьмы. Кругом разруха

всё скрашивала удаль молодца.

Мои следы растаяли к весне.

Я потерял перчатку между брёвен.

Пускал кораблики по скисшейся воде.

С другими ссыльными я становился вровень,
переживая только о едье,

ну, то есть, о еде. Случилась масть —

амнистия отцу — ну, то есть — чудо.

Не удалось за козырьком пропасть,

откуда лишь в тумане, но покуда

не трогала его руками мать,

но я был рядом, думая о нём.

Он так спешил домой, на самом деле,

лишь мать забыла вещи, что при нём

забрали дома, т. е. что успели —

забрать, а остальное всё — былём,

т. е. забвением, как и любовь сама —

теперь я понимаю — мне несложно —

когда вокруг — любовь, тюрьма, сума —

и остальное очень осторожно,

пока ты на свободе. И луна

в твоё окно вагонное, большое...

И мама папу кормит, как смогла,

картошкой, курицей — и водкой из подполья.

июль 8—9. 2013 год

«Мне нечего теперь уже терять —...»

Мне нечего теперь уже терять —
война закончилась, когда я не родился,
но в сентябре меня погнала мать
в ту, среднюю, в которой я учился
все восемь лет. И вышел в никуда
из тех дверей... и дальше, если честно.
Потом была с родными чехарда —
из-за квартиры, то есть, койко-места.
Я был с вещами выкинут за дверь,
не ощутив любви и, как там, — ласки.
И вот теперь среди людских потерь
и мусора ищу себе подсказки —
в чём был неправ за свой короткий век,
в чём оплошал и был не к месту пьяным.
Мне нечего сказать уже за всех —
я просто жду свой час в углу дивана.

июль 10. 2013 год

«Пускай не будет времени совсем...»

Пускай не будет времени совсем,
чтобы вернуться в то кафе, на площадь,
где голуби не видят перемен
вокруг себя, и ты немного проще,
чем стала позже. Спелый виноград
по стенкам растекается, как утром
вода с деревьев. И на первый взгляд,
вода смывает прошлое, как будто,
и что-нибудь ещё, за прошлым вслед,
пока все спят, и ничего случайно
не происходит... Борщ опять в обед
всё разрешает молча и банально,
как и должно быть, видимо, сейчас —
попробуй по-другому – выйдет хуже,
как начатый невовремя рассказ
или, чего уж хуже – сядешь в лужу —
в прямом и переносном, где вода
размоет всё, смягчив финал немного,
оставшись, как и память – навсегда,
и став уже последнею дорогой.

июль 15. 2013 год

«Неистово ты говорила – сука...»

Неистово ты говорила – сука,
теперь всё кончено и ничего не надо
от сказанного, что всему порука,
по крайней мере – с самого начал,
с того момента, как в пустой кофейне
я говорил, что не случится чудо,
но будет жизнь – от первой до последней
минуты, не случившейся покуда.

июль 18. 2013 год

«Старость зажмурилась, глядя в моё лицо —...»

Старость зажмурилась, глядя в моё лицо —
я так же глаза закрывал, выходя на берег,
чтоб не ослепнуть от волн, слепящим своим свинцом,
в присутствии солнца и чаек, но без истерик
каких бы то ни было. Старость, потупя взгляд,
ждёт своё время, чтоб предъявить убытки —
по расписанию, выбрав не всё подряд,
а только лишь то, что было на той открытке,
где ещё молоды и не сошли с ума
от пережитого, не потеряли память,
смяв под собой подушку, что так влажна
от недосыпа – и не стереть руками
или посудной тряпкой следы воды,
то есть, того, что было. По крайней мере,
что-то всегда остаётся от ерунды —
не пересказанной, даже в сырой постели.

июль 20. 2013 год

«Когда остаётся лишь дерево в старом окне...»

Когда остаётся лишь дерево в старом окне,
погода уже не влияет на время и завтрак,
на воду в кофейнике... И позабыв обо мне,
облако тычется в форточку, как бы внезапно,
то есть, почти незаметно, и в этой связи
завтрак уже превращается в праздничный ужин —
без всяких подробностей. Кто-то идёт в магазин.
Кто-то в окне остаётся, забыт и не нужен —
точно уж тем, кто ушёл, чтоб не вспомнить уже,
чем всё обычно кончается – без оговорок,
без отступления в прошлое. На этаже
только окно остаётся без стёкол и шторок...

июль 27. 2013 год

«Со второго на третье августа...»

В. Д.

Со второго на третье августа
одна тысяча девятьсот девяносто восьмого —
не кричите, пожалуйста,
не будите уже больного —
лучше белой скатертью
застелите ему дорогу,
чтобы встретился с матерью
у другого уже порога...
И соломки, чтоб выпался,
отоспался за жизнь в скитаниях
и расправился с вымыслом,
чтобы больше уже на прощание —
ничего-то из прошлого —
ни тоски, ни беды, ни печали —
лишь немного хорошего
из того, что случилось вначале.
Но и с этим не справиться,
то есть, всё завершилось не вовремя —
как-то так получается —
жизнь кончается в маминой комнате.

июль 27. 2013 год

«Переехавши свет, уже не спешишь обратно...»

Переехавши свет, уже не спешишь обратно.

Ждёшь посылку из дома, но только открытки приходят
с пожеланием счастья, что, в общем, вполне понятно,
но синица склевала всю кашу – и дни проходят,
но куда-то всё мимо и чаще – без остановки,
чтоб в глазах приезжего не разглядеть потери,
перехода на хитрости и уловки,
пробегая мимо ещё не закрытой двери.

Но когда за окном теряешься, как в пустыне,
как в вещах забытых, открытых в глухой кладовке —
жизнь не кажется лучше в местах, что твои отныне,
оттого, наверное, выглядит всё неловко
или как-то странно в чужом для души пейзаже,
где уже не спросишь соседа «как сын и дочка?».
Не зайдёшь за спичками или за солью даже.
Оттого тоска – и вниз убегает строчка.

июль 28. 2013 год

Ночь

Звук шагов заглушает дыхание моё в подъезде,
поднимаясь до двери, топча каблуком ступеньку,
как какую-то тропку, как каплями на железе
оставляя вмятины, цепляясь рукой за стенку,
не найдя опоры другой – вообще кого-то —
в это время суток и тени не помогают,
не давая возможность выжить после работы —
никому вообще, оставшемуся за краем
своего жилища. Ищу каблуком дорогу
до знакомой двери, пока догорает лампа
в пыльном плафоне, сливаясь уже понемногу
с собственным голосом, т. е. с дыханием, как бы
не различая уже это время суток,
когда становясь искателем нужной двери,
ждёшь, что окажешься рядом – ежеминутно
и удаётся выжить и избежать потери.

июль 28. 2013 год

«В городе, где различаешь кирпич облезлый...»

В городе, где различаешь кирпич облезлый
среди новой кладки – не остаётся шансов
зацепиться глазу за новый отлив железа
на новостройке. Тем более, здесь остаться,
где история в камне дольше хранит молчанье,
чем продукты в подполе свой сохраняют запах,
разрушая лишь изредка город своим звучаньем —
до облезлого камня. Кто-то готовит завтрак
в этом пейзаже, готовом уже на ужин
переползти, не смяв под собой травинки,
что виновата лишь в том, что пила из лужи,
но сохранилась, оставшись на той картинке,
то есть, вообще оставшись. Но время лечит
и продлевает дальше кирпич – не новый,
не обещая только возможность встречи
с кем-то из прошлого, кто был с тобой знакомым.

июль 28. 2013 год

«Всё, что досталось в наследство мне – фото на память —...»

Всё, что досталось в наследство мне – фото на память —
и ничего из вещей, что сгодятся для жизни.

Даже семь слоников, что мне привёз из Германии
дед, оказались в бумагах наследственных – лишними.

Но мне досталось простое бумажное фото,
где ещё живы и не спешат расставаться.

Даже семь слоников старой немецкой работы
перебегают из прошлого, чтобы остаться
на этой жёлтой, истлевшей почти фотографии,
в этом пространстве, хранящем и время и место,
с надписью криво, не ведающей каллиграфии,
без даты и времени, что ерунда, если честно,
и даже бессмысленно, то есть, как выдумка даже —
всё, что ещё сохраняется в лицах на фото —
то есть, любовь, что с бумагами стала пропажей —
это одно, что не требует лишней заботы.

июль 28. 2013 год

«Все насекомые уже ушли из дома —...»

Все насекомые уже ушли из дома —
под снос сегодня, чтобы не осталось
и камня даже, чтобы незнакома
была картина, чтоб не показалось
после всего, что это наваждение
или мираж, распластанный в пустыне,
где воздух, как и небо — без движенья
и только ждёт, кто первым нынче сгинет,
оставшись облаком, разбросанным над домом,
которому уже не сохраниться —
удел развалин, что, увы, — знакомо.
Ещё мгновение — и жизнь идёт на слом —
никто уже о ней не зарыдает.
На улице Чайковского был дом,
но кто теперь уже об этом знает.

июль 29. 2013 год

«Мне не было обещано дожить...»

Мне не было обещано дожить
до старости. Знакомая сказала,
что это тоже надо заслужить,
как право – к ней залезть под одеяло
холодным вечером. От ветра и тоски,
пока ещё не поздно согреться,
сложив в ботинки рваные носки —
от посторонних, чтоб не разрыдаться
от бедности. Гляжу в её глаза —
почти что родственник, почти глава семейства —
какого-то – никто не рассказал —
какого, исключая фарисейство —
подходят все – никто не обещал,
что будет просто и не так накладно —
чего-то там родитель завещал,
но, видимо, не слишком много... Ладно,
и так сгодится, чтобы пережить,
переиначить всю скороговорку
про то, что парка треплет свою нить,
пытаясь втиснуть бедную в иголку
с тупым концом, что в стоге не найти —
не стоит и пытаться – дождь в подмогу,
чтобы кого-нибудь успеть спасти
ещё живым и здоровым, слава Богу! —

пока вода стекает между ран,
и кто-то шепчет в ухо «отлетает»
и открывает шире свой карман
для подати... и время застревает,
как между пальцами... Ищи его теперь —
в каких краях соломку мягче стелют,
где, отпевая свою жертву, зверь
глядит в глаза и никому не верит,
как я тебе, сказавшей про постель,
про то, что — заслужить или заслужит.
Холодный ветер веет канитель,
и никому никто уже не нужен
со рванными носками. Пуст карман,
глаза пусты — до времени. Собака
ждёт на пороге. Вылитый туман
торчит меж сосен. Мокрая рубаха
влипает в спину, чтобы уберечь
от лишних стрел и, может быть, от страха
животного, с которым в землю лечь,
когда с кредитом рассчитает плаха
иль менеджер в конторе за процент,
за выжатый лимон в стакан с палёной,
хвалёной водкой. Жалкий пациент
останется никем недолюблённый,
не выжатый, как тот лимон в стакан.
Вода из крана пополняет чашу
холодной струйкой времени. Туман
от горя меж стволов бесшумно пляшет,
как ненормальный, выбившись из сил

и выйдя за границы поселения,
как будто бы кого-то упросил
не поднимать излишнего волнения
по поводу отсутствия его
в означенных границах. Замерзает
пейзаж, глядящий в мутное стекло,
как в зеркало. Квартира остывает
ещё до осени, до выпавшей листвы,
то есть, до времени, опять – без продолженья
какой-нибудь затейливой игры,
надеясь на ночлег и на сближение
с хозяйкой дома, чтобы пережить —
дожить до старости, пока не закатали
в ту самую, нервующуюся, нить —
и не добавили к тоске ещё печали
или чего-нибудь крамольного ещё,
что вылечит, но не спасёт от смерти,
но предоставит выверенный счёт
за ночь под одеялом на рассвете
и будет дальше выбивать долги
за прожитую жизнь, за булку с маслом,
что съел на завтрак, пробуя дожди
разбавить чаем, но не слишком часто,
не так, как бы хотелось – чтобы жить
или хотя бы доживать остаток,
но парка на рассвете треплет нить,
стирая со щеки песка осадок,
как горькую слезинку, что стекла,
не думая надолго оставаться,

как каплю с замутнённого стекла
в рассветный час, с которым расставаться
не хочется, но, видимо, потерь —
не избежать, куда ветер ноет
о неизбежном. Что сказать теперь? —
что слишком долго тянется сегодня
и, кажется, что это навсегда,
пока вода не вытечет из крана,
в котором лишь холодная вода,
и согревает лишь тепло дивана
и одеяло. Некого винить
за то, что жизнь прошла наполовину —
и завершается. Туман не изменить
в желании погладить чью-то спину
своим дыханием — в лесное молоко —
с ногами, с головой — почти что в омут —
не броситься, поскольку далеко,
за дальним лесом, где другие стонут
и так же пряжу собирают в нить,
и шьют рубахи, чтобы ни случилось,
носки латают, чтоб не говорить
о них в стихах, как раньше получилось,
то есть, вполне нормальное житьё,
расписанное сизмальства до срока,
где каждый знает, что своё — своё —
всё остальное лишняя морока
со всеми исходящими. Вода
не льётся попусту — от края и до края
лишь из желания забраться хоть куда,

как облако, краёв не различая
и даже дальше, но его следы
среди других, таких всегда заметных,
не делая из этой ерунды
события, как из воды конфеты,
то есть, как птенчик, выпав из гнезда —
своей дорогой, если не зачтётся
и выйдет боком... Если посчитать,
во что обходятся бумаги и чернила
для этого писания — кровать
окажется настолько сиротливой,
что точно выйдет боком словарю —
без лишних слов, что говорят под утро,
ну что-то вроде «Кофе я сварю» —
«И булочку, пожалуйста, с кунжутом», —
несётся вслед. Бумага терпит всё
и вымысел, и президентский росчерк
на резолюции о том, что всё ещё
не как должно быть. Между строчек прочерк —
без заполнения, как в протоколе брешь,
что жжёт перо, но никуда не деться
от соглядатая, что стережёт рубеж,
не соглашаясь на другие средства
в переживании — и в этом весь секрет.
Туман сползает, открывая площадь
среди деревьев, не найдя ответ
на заданный вопрос. А дальше, в общем —
обычный день, без тени на упрёк
на скомканное утро и погоду,

что за ночь свой усвоила урок
и больше не страдает от свободы
среди деревьев и не портит вид
с той стороны, водой затёртых стёкол,
освободившись от числа обид —
за ночь под одеялом – стала блеклой,
сославшись на здоровье. Лишь носки
в ботинках дожидались возвращения
хозяина, не ведая тоски, —
чего-нибудь ещё, как продолженья
прошедшей ночи. Станешь говорить
о том, что было – булочка с кунжутом
получится, чтоб утро повторить,
и вновь туман опустится, как будто.

июль 29—30. 2013 год

«Когда уже не видишь впереди...»

Когда уже не видишь впереди
того, кто ждал тебя на перекрёстке
немного раньше – никого не жди,
тем более – поблажки – смысл жёсткий
у этих слов, но, видимо, теперь
дорога дальше в стоптанных ботинках
и, видимо, не выйдет без потерь,
расписанная в двух словах картина
о лучшей доле, как ни говори —
всё получается не так, как ожидалось,
и то, что ещё видишь впереди —
и есть та самая, заслуженная, малость.

июль 31. 2013 год

«Состарившись, не видишь без очков —...»

Состарившись, не видишь без очков —
кто там поблизости маячит среди веток,
переплетённых — хоть сюжет не нов,
и можно догадаться по отметкам
цветным на фоне неба без границ,
без облаков — от края и до края —
лишь в памяти, когда не видишь лиц,
из прошлого их жадно извлекая,
стараясь сохранить, но меркнет взгляд,
высматривая тени меж деревьев,
страдая оттого, что всё подряд
вплетается в пейзаж, включая двери
пустых домов, застывших до тепла,
до перелётных птиц в начале мая.
Взгляд утыкается в подобие дупла,
но, видимо, скворечник различает
среди ветвей — руками не достать,
чтоб убедиться в правильности взгляда,
нащупывают кресло и кровать
и то лишь потому, что оба рядом —
не слишком далеко, чтобы дойти,
нащупывая пальцами пространство
между стеной и дверью, чтоб войти,

при этом оставаясь частью царства —
того, другого. Выверенный путь,
истоптанный годами, по привычке
спасает, чтобы что-то не столкнуть
с привычных мест, означенных в кавычках
в перечислении, по списку, где в конце
серийный номер и покупки дата,
чтоб не играть волнением на лице
и не случиться снова виноватым.

июль 31. 2013 год

«Доживать остаёшься там, где вода об камень...»

Доживать остаёшься там, где вода об камень
разбивает облако, что отразилось утром,
то есть, там, где берег, выглаженный руками
или сандалией, выглядит ежеминутно,
как пустынный остров, брошенный накануне,
то есть, вода смывает следы участия,
то есть, присутствия, чтобы уже утонули
в недоумении или уже от счастья —
переселенцы, брошенные на берег
в изнеможении, чтобы ещё немного
жизнь продолжалась, но, может быть, без истерик
и без участия в этом того, другого...
Впрочем, кого бы то ни было — только память
чтоб оставалась, как выглаженная рубаша
на парадный случай, как облако, что об камень —
для украшения — дальше Сибирь и плаха
или её подобие, чтобы знали!.. —
как всё всегда кончается, между прочим
среди деревьев, которые не познали
ещё топора и смертную боль воочию
или чего-то большее, что забыли
на берегу, не научившись плавать
или тонуть. И облака, как крылья —

не чтобы летать, а чтобы молчать и плакать.

август 1. 2013 год

«Нет ничего, что можно передать...»

Нет ничего, что можно передать
в наследство, т. е. сохранить на память —
диван, картина, книги и кровать,
прямая — хранимая веками.
Лишь пара стопок списанных страниц —
всё, что в подарок может пригодиться,
в отсутствии знакомых с детства лиц,
если опять чего-то не случится,
не сбудется. В распахнутую дверь
заходит солнце — может, по ошибке —
не разобрав, кто жив ещё теперь,
раздаривая милые улыбки
направо и налево. Меж вещей
осталась пыль и что-то от хозяев,
уехавших куда-то — без затей,
но кто-нибудь, конечно, всё исправит,
всё выправит, сотрёт с комода пыль —
чтоб ни следа от жизни не осталось.
И девочка, которую забыл,
чтоб больше никогда не повстречалась.

август 5. 2013 год

«Ниоткуда никто, никуда – чтобы просто забыть...»

Ниоткуда никто, никуда – чтобы просто забыть,
то есть, просто не помнить, как выглядят или зовутся
те, которым до времени вышло – не быть
в перечислении и в сохранившихся лицах,
где-то в альбомах, на выцветших фото уже,
став лишь отметиной, или простой закорючкой
в скорбных тетрадах, что спрятаны на этаже
между вещами, где жил в связи с долгой отлучкой
из этих мест и лишился угла и добра
от самых близких, уже не надеясь на выбор
между немыслимым завтра и вечным вчера,
спрятанным так глубоко, что его и не видно,
как и тебя самого из-за старых вещей —
до неприличия старых и кем-то забытых,
век коротающих свой в тишине этажей
старого дома, живого ещё на открытках.

август 10. 2013 год

«И даже запись в книге мертвецов...»

И даже запись в книге мертвецов
не гарантирует, как грамота, вернуться —
куда-нибудь уже, в конце концов,
где по дороге нужно обернуться
и там остаться, чтобы на века.
Там, где темно и изредка лишь свечи,
горящие, как у вора рука
крадущего, крадущая беспечно
всё, что лежит, покуда впереди
не «светит» клетка или что похуже,
лежащее, как камень на груди,
как груз на шее, что с петлёй потуже
или чего гляди — в затылок дробь —
не уберёт себя — так будь доволен —
и если приберёт тебя Господь —
обрадуйся тому, что там свободен.

август 11. 2013 год

«Вот снова время новых мудрецов —...»

Вот снова время новых мудрецов —
какая-нибудь мелочь станет важной,
как что-нибудь на память — от отцов,
из памяти клеёнчато-бумажной,
то есть, расписанной, как буквами листы
после дождя, растекшись между клеток
и за поля, как в школе, что пусты
в такое время. Не боясь отметок,
гуляют школьники, и некуда спешить,
пока не прозвенел звонок от Бога,
чей «колокольный зуммер» заменить
не в силах сторож, ждущий у порога.

август 11. 2013 год

«Спустя больше года, любимая, слышу твой голос...»

Спустя больше года, любимая, слышу твой голос,
мне говорящий, что завтра случится чудо —
вернутся все те, кто были уже знакомы —
лишь отлучились... И облако ниоткуда
тоже — туда же, чтобы уже остаться
точкой в пейзаже, размытой слезой и ветром,
где-нибудь между брошенных в поле станций
с правом — не выжить, а как-нибудь оглядеться
между столбами, что бьют по хребту дорогу —
может быть, сжалятся, но, видимо, не удаётся.
И только твой голос, звучащий уже по-другому —
всё, что спасает, и что до конца остаётся.

август 17. 2013 год

«Переехать, что ли, в деревню – растить картошку?»

Переехать, что ли, в деревню – растить картошку?
Или капусту квасить в сырых подвалах.
Разливать самогон по бутылкам, пить понемножку,
пропадая в беспамятстве, чего ранее не бывало.
Или, может, лучше вымысел без остатка,
без надежды на лучшее? Чем так страдает память,
зарываясь в прошлое, туда – до времён упадка,
во времена, где всё, что хотел, сбывалось.
Но, увы – развалины лишь – достоянье жизни —
и в глухой деревне, и даже в Москве кабацкой,
но, пока соревнуется птица с полётом мысли —
жизнь не выглядит вовсе совсем дурацкой —
никакой вообще, куда звучит дыханье,
ровным воздухом перебивая воздух,
нарушая тем самым естественное молчанье,
становясь немного вымыслом тоже.

август 18. 2013 год

«Прислушиваюсь к тиканью часов...»

Прислушиваюсь к тиканью часов,
когда уже за полночь, и соседи
давно все спят, и звук, в конце концов, —
лишь от часов и оттого — длиннее —
в ушную раковину, будто вор в карман,
ощупывая редкие минуты,
как мелочь на проезд, как мой диван —
последнее пристанище, как будто.
И я бы рад не слушать этот звук,
но он не унимается, покуда
за дверью не раздастся первый стук
и не случится утреннее чудо —
я снова пережил и эту ночь —
в который раз не сгинул на диване.
И в следующей как-нибудь помочь
мне сможет мелочь на проезд в кармане.

август 19. 2013 год

«Я позабыл названия всех станций...»

Я позабыл названия всех станций,
куда когда-то добирался раньше.
Теперь всё больше ходят иностранцы
по тем местам, не забираясь дальше
музейных мест – туда, где дикий вид
волнует сердце, где среди развалин
на берегу раскрошенный гранит
терзает глаз и оттого печален,
и оттого дороже новых стен
на прежнем месте – лучше уж руины,
не знающие этих перемен
вокруг себя с названьем слишком длинным.

август 19. 2013 год

«Я держал на длинном поводке...»

Я держал на длинном поводке
свою жизнь, как будто спаниэля —
всё надеялся, что где-то вдалеке
слаще косточка – и не дрожишь спохмелья
мелкой рябью, выбивая дробь
пальцами, раскачивая плоскость
подоконника, страдая вновь и вновь
из-за новостей – какая пошлость
в сообщениях, в которых без труда
различима ложь и «тонкий юмор»
от правителей, которые всегда
отличались им. Вот только Юра
обошёлся как-то без него —
что в Империи никак не допустимо.
Подоконник тычется в окно.
Пальцы жжёт окурочек от «Примы».

август 19. 2013 год

«По долгам расплатиться не хватит ни лет и ни сил —...»

По долгам расплатиться не хватит ни лет и ни сил — это только так кажется, что всё кончается смертью, и никто не предъявит к оплате того, что носил до последней минуты в замызганном жёлтом конверте, то есть, то, что досталось ещё при рождении в дар, как на первом свидании, чтобы осталось на память, на какое-то время, хотя бы пока до фанфар остаются мгновения, чтобы потрогать руками, то есть, просто — наощупь, когда, выбиваясь из сил, приближаешься к стенке, которую и не потрогать, как и всё остальное, чего за года напросил, утопав до суглинка свою и чужую дорогу.

август 20. 2013 год

«Обитая в местности, где дождь, как медаль к юбилею...»

Обитая в местности, где дождь, как медаль к юбилею,
начинаешь думать о том, что пора на отдых,
то есть, куда-нибудь к морю, где был расстрелян
целый мир – за равенство и свободу,
где вода смывает не только грехи и копоть
с обожжённой посуды – и всё остальное тоже,
заглушая волной любой недовольный ропот
о никчёмной жизни, что стала ещё дороже.
В этой местности время идёт на убыль —
как ни крути, но завтра уже случилось —
позавчера... И в печке древесный уголь —
для украшения – не чтобы еда сварилась.
Здесь даже ветер в трубах гудит, как дома,
то есть, почти хозяин. Ни капли влаги,
даже ни облачка... и сохнешь, как та солома
на прокорм скотине, увы, не в пример бумаге.
Здесь, где вода из крана – почти спасенье —
не вообще – от равенства и свободы,
от ерунды какой-нибудь, от невезенья.
Утром проснувшись – чувствуешь, что голодный,
и ставишь кофейник, готовишь облезлый завтрак,
чтобы совсем не сгинуть, не кануть в горе,
что наступает утром, почти внезапно,

как наводнение – только в другом просторе —
и как-то боком, чтоб не задеть строенья
и всё остальное, всплывшее в разговоре,
что недоступно глазу в момент старенья,
так и оставшись вымыслом, то есть – горем.
В этих краях любой может стать пейзажем —
не повезёт – украсит собой кладбище —
жалким портретом с датами или даже —
статуей в рост – эдак за десять тысяч
или ещё дороже – волна не смоем,
точно с кастрюли сажу – с песком и глиной.
Ветер, от сажи тоже, трубу отмоем,
чтоб жизнь не казалась длинной. Уж слишком длинной.

август 20. 2013 год

«Где кончаются руки, и начинается тень?»

Где кончаются руки, и начинается тень?
На голой стене или там, где уже ограда? —
то есть, это, как бы помягче сказать – плетень
или любая другая изгородь в поле взгляда —
что вполне обозрима, куда достают глаза,
то есть, вполне доступна для обозрения,
для осязания глазом, как тот вокзал,
где пирожки и водка для продолженья
почти что – даром, но долог и тёмен путь —
и не хватает выпить. Всё, что в дороге
было уложено – кончилось... ни по чуть-чуть,
чтобы дожить до утра и не спать у порога
у проводницы – вот здесь начинается тень —
в узком пространстве, означенном только билетом
или другим проездным. Здесь кончается день,
но оставляет возможность доехать при этом.

август 20. 2013 год

«Помнишь ли? Вспомнишь ли? – голос и руки...»

Помнишь ли? Вспомнишь ли? – голос и руки
это писавшие, чтобы однажды
что-то случилось, чтобы разлуки,
нас разлучившие, стали бумажными —
всё пережившими – даже молчание,
то есть, забвение – слишком уж долгое —
дольше других заглушая звучание,
точно куплеты над высохшей Волгой.
Будешь ли помнить кафе, что на пристани,
где мы однажды с тобою обедали
после дождя, когда стулья не высохли,
и не считались с такими проблемами?
Ждали автобуса по расписанию —
и не дождавшись, пешком через поле мы —
за полночь – к дому, в полнейшем молчании,
рук не разняв от усталости... Вспомним ли?

август 25. 2013 год

«Что остаётся, когда закрывается дверь...»

Что остаётся, когда закрывается дверь
за припозднившимся гостем? Посуда и пепел —
как бы на память о времени многих потерь
за сизым дымом, что утром становится светел —
утренней дымкой, как будто бы из-за угла,
с ближнего озера, спутав названия улиц,
прячась от глаз, попадая опять не туда,
пробуя выискать место, где мы разминулись
с тем припозднившимся гостем, который теперь
реже заходит, но помнит, конечно же — помнит
и горку пепла, и следом закрытую дверь.
Только опять его жду — и вчера, и сегодня.

август 26. 2013 год

«В больничном коридоре никого —...»

В больничном коридоре никого —
обеденное время. Суп и каша
по расписанию. И облако в окно
не залетает, будто бы не наше,
а будто бы приезжее — оно
ещё один свидетель превращения
больничной каши в полное дерьмо,
что вызывает только отвращенье —
не больше и не меньше. Тусклый взгляд —
туда, на волю, там, где за оградой
играет жизнь, которой каждый рад
ещё раз насладиться, если рядом
гуляет смерть — и больше никого
из тех, кто раньше. Белая палата,
исписанная пальцами давно —
на память новеньким в изношенных халатах
и тапочках. И крашеная дверь
в другую жизнь — торопится закрыться
на все замки. Лишь полосатый зверь —
больничный кот — ещё в неё стучится
и видит всё, как будто в первый раз,
надеясь на награду из подачки
с той стороны забора, где сейчас —

то, что зовётся жизнью – не иначе.
Но тихо в коридоре – тихий час —
последняя возможность – не проснуться,
приняв таблетки с кашей. Меркнет глаз.
Подушка смята. Новенький сейчас
займёт кровать, чтоб больше не вернуться.

август 29. 2013 год

«Детский плач по утрам – продолжение жизни чужой —...»

Детский плач по утрам – продолжение жизни чужой — это всё мне в окно, как какая-то вечная мука за растраченный век, но ни я и ни кто-то другой не отменит его. Может быть, разве только – разлука или что-то другое, но слов не могу подобрать. Как какая-то сказка, где вымысел и превращения из старухи в принцессу, с которой уже на кровать сам царевич, отбросив колчан и другие сомненья — чтобы было, что вспомнить, когда скоротается век, то есть, время придёт собирать урожай и награды, то есть, всё, что положено, минус сомнения тех, кто стоял за спиной, но, как водится, был всегда рядом или где-то поблизости, чтобы всегда на глазах, под присмотром свидетелей тех, что уже поминутно перескажут события в прозе, а может, в стихах. Только плачь за окном всё милее – разбуженным утром.

август 29. 2013 год

«В чужой стране ненужным поселенцем...»

В чужой стране ненужным поселенцем
вдруг поселившись, понимаешь суть,
того что ты обоссанным младенцем
бебекал – правду, то есть, что-нибудь
о том, что видел, сквозь беззубый рот,
пропахший молоком и чем-то сладким —
и всё вокруг пока наоборот,
и ты единственный, отмеченный в тетрадке
заглавных дел. Чужие этажи
в чужом пейзаже выглядят иначе,
чем те, в которых ты когда-то жил,
не помышляя о рублях и сдаче
с того рубля. И с шиком на такси
за рубль с мелочью – с вокзала до квартиры —
из дальних странствий – Господи, спаси —
не стать задатком скомканного мира
и прочего пространства, где цветы —
последнее, что украшает старость
в чужой стране, где птицы с высоты
глядят доверчиво на то, что им досталось.

август 29. 2013 год

«В августе осень себе застолбила место...»

В августе осень себе застолбила место
жёлтыми листьями с бурыми пятнами. Осень —
только попытка выпить – ещё, если честно,
чахламу лету, что умирает в восемь
первого сентября – и так негромко,
чтобы уже никому не сказать «До завтра»,
чтобы яичница утром, назло ребёнку,
из маминых рук – единственное на завтрак.
В августе осень – куда не спешит покуда
жаркое лето, смытое в трубы с сажей,
чтобы уже, действительно, – нету чуда,
а если и есть, то так – как довес к пропаже.

август 31. 2013 год

«Мне музыку навеял чей-то смех...»

Мне музыку навеял чей-то смех
в ночном саду среды пустых деревьев,
без листьев то есть – значит, без помех
уже гулять, не выглядя отребьем
на этом свете, чтобы меж ветвей
вдруг оказаться первым и последним
и песню спеть, как курский соловей,
как бабушка, уткнувшись в свой передник.

август 31. 2013 год

«Господь тебя – мне – как передарил...»

Господь тебя – мне – как передарил
ко дню рожденья – осенью – не летом.
И что-то там ещё наговорил
не про любовь уже... ну, а про это —
серьёзен был и даже не шутил
про платье, грим и крашенные губы —
ведь сам тебя для счастья сотворил,
пишу я... даже кованые трубы,
чтоб пальцами и чем-то там ещё
нажать на клавиши, не выходя из дома,
прикрывши наготу чужим плащом,
где под подкладкой всё давно знакомо.

сентябрь 1. 2013 год

«Здесь, где количество дорог...»

Здесь, где количество дорог,
в которых заблудиться,
витийствует, чтобы никто не смог
обратно возвратиться —
живу, глотая календарь
никчёмной жизни,
как ту соломинку, словарь
хватая трижды,
четырежды, пока рука
способна править —
пером, строкой – наверняка,
чтоб не исправить,
не выправить ещё, пока
черны страницы,
как небо в толстых облаках,
где раствориться
и стать таким же, как они —
к концу недели,
закутавшись в свои же сны
в своей постели.

сентябрь 2. 2013 год

«Птица склоняет голову – будто спит...»

Птица склоняет голову – будто спит.
Ветер в сухих каштанах, как дома. Осень.
Вот и настало время, что сохранит —
не в шифоньере, а до весны разносит,
чтоб по размеру было моё тряпье —
вот и настало время считать убытки,
т. е. свои потери за то житьё,
что существует в рамках второй попытки,
не сомневаясь даже в своих словах,
перемежая матом и грубой бранью,
как на столе приборы и кость в зубах.
Самое время всё завершить гаданьем,
чтобы уже из прошлого – никуда,
т. е. вполне возможно, что будет завтра.
Но птица склоняет голову, и вода
всё размывает. И, как всегда, внезапно.

сентябрь 4. 2013 год

«Голубь, искупавшийся в пыли...»

Голубь, искупавшийся в пыли,
стал моложе на день этим утром,
что другие сделать не смогли,
рассчитавшись с жизнью поминутно,
за уже использованный срок,
между делом совершив покупку,
до конца не выучив урок,
сдав всё купленное поздно ночью в скупку,
но не на хранение – совсем,
чтобы никогда не возвращаться
в те места, где счастлив был, затем,
чтобы с кем-нибудь ещё раз повстречаться —
напоследок, как бы – в сотый раз,
разменять монеты и бумажки
с номиналами. И только видит глаз
человека в сношенной рубашке.

сентябрь 4. 2013 год

«Вот облака, как на ладони...»

Вот облака, как на ладони,
в моём окне – уже полжизни —
и пальцем их уже не тронешь,
как раньше, поднимаясь выше,
туда, куда и птичий клёкот
не долетал из-за погоды,
где разве только тихий шёпот
ещё хранится небосводом
и чем-то там ещё, наверно —
другими птицами – без крыльев.
Дождь в сентябре – конечно, скверно,
но после августа – красиво,
и птицам радостно, должно быть.
И облако слилось на землю,
использовав свою возможность —
в окне быть первым и последним.

сентябрь 5. 2013 год

«Тебе, покинувшему свет...»

В. Д.

Тебе, покинувшему свет
так рано и так незаметно,
ещё до осени – в ответ
слетают листья безответно,
безвременно, сменив простор
над крышами под облаками —
на скрытый тракторами двор,
который ты топтал ногами
ещё полмесяца назад,
не в силах больше соглашаться
с никчёмной жизнью – жизнь подряд,
не собираясь оставаться
ещё хоть на какой-то миг
в окрестностях, то бишь в пейзаже,
который осенью возник,
не обнаруживши пропажи...

сентябрь 5. 2013 год

«На берегу реки, в преддверьи снега...»

На берегу реки, в преддверьи снега,
что заключит течение воды
в свои объятия, предоставив небу
возможность выбора – считаю корабли,
как облака – по ним ищу дорогу
куда-нибудь ещё, но ветер стих.
И корабли – опять поближе к дому —
дождаться ветра, что в ветвях притих.

сентябрь 6. 2013 год

«Ты будешь смеяться, но даже в коротеньком сне...»

Ты будешь смеяться, но даже в коротеньком сне
являются лица, забытые раньше – и раньше,
пытаясь напомнить о чём-то, наверное, мне
какую-то мелочь, должно быть, а как же иначе.
Пока ещё теплится память, и тлеет душа,
и мелочь в кармане звенит, темноту оглушая
своим безразличием к жизни, уже не спеша —
туда, где во сне рассмеяться, себя узнавая.

сентябрь 6. 2013 год

«Когда из того, что осталось – лишь камни и смерть...»

Когда из того, что осталось – лишь камни и смерть,
и только немного желания – выжить под утро —
во сне не оставшись, чтоб было, на что посмотреть,
когда обнаружат, как мёртвое тело, как будто
и не было вовсе. Попробуй дожить до утра,
да там и остаться, чтоб вышло немного, но лучше,
чем было обещано – это такая игра,
в которой не спишешь ничто на ошибку и случай.
Попробуй опять не напиться, когда тяжело
расправиться с вымыслом, чтобы дожить до рассвета,
уткнувшись в подушку, в которой и пыль, и перо
слились воедино, не требуя больше ответа
за всё, что приснилось. Пока квадратура окна
не стала последним, что видишь, пока не случилось
чего-нибудь ночью, что сводит обычно с ума,
что можно списать в суматохе на то, что приснилось.

сентябрь 7. 2013 год

«...и терновый венец сняв с уставшей Его головы...»

...и терновый венец сняв с уставшей Его головы,
укололся Отец, или попросту – руководитель.
Капля крови упала на землю, но были мертвы
в это время уже все войска, что разбил неприятель
И свидетели тоже, оставшись теперь не у дел,
как без хлеба голодный с утра, да и с вечера тоже,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.